

Политическая разведка Министерства иностранных дел Российской империи на Дальнем Востоке конца XIX – начала XX в.

Фалько С. А.

Фалько С. А. Політична розвідка Міністерства закордонних справ Російської імперії на Далекому Сході наприкінці XIX – на початку XX ст. Стаття присвячена розвідувальній діяльності Міністерства закордонних справ Російської імперії на Далекому Сході в кінці XIX – на початку XX ст. Автор, спираючись на останні дослідження та нові документи, розглядає форми й методи розвідки зовнішньополітичного відомства, причини невдач та успіхів збору розвідувальної інформації чиновниками МЗС Росії.

Ключові слова: Росія, розвідка, міністерство закордонних справ, Далекий Схід

Falko S. A. The political Intelligence Service of Russian empire's Ministry of Foreign Affairs in the Far East region (late XIX – early XX ct.). The article is devoted to the investigation the intelligence functions of the Ministry of Foreign Affairs in Russian Empire on Far East at the end of 19th century – the beginning of 20th century. Author looks at shapes, methods of the intelligence of externally political department, causes of failures and successes of the yield the reconnaissance information, leans on the last investigations and publications.

Key words: Russia, intelligence service, Ministry of Foreign Affairs, Far East

Проблема, которой посвящена настоящая статья – исследование разведывательной деятельности Министерства иностранных дел России на Дальнем Востоке в период 1895-1905 гг. Это десятилетие характеризуется активной политикой России в Тихоокеанском регионе. Оно закончилось военно-политическим поражением России в войне с Японией в 1904 - 1905 гг. События показали важную роль разведывательной информации в этой борьбе.

Основной объём исследований, посвящённый деятельности разведки, как правило берёт своё начало с эпохи Первой мировой войны. Этим обуславливается актуальность изучения разведдеятельности МИД России в дальневосточном регионе в обозначенный период.

На рубеже XIX и XX вв. после того, как наступила индустриальная эпоха, информация о противнике стала приобретать решающую роль в борьбе стран за свои интересы. Во многих государствах

разведывательная деятельность осуществлялась в рамках дипломатических ведомств¹. Политические руководители и военные ведомства получали необходимую информацию от дипломатических представительств своей страны за рубежом.

В России МИД активно использовало «политические сношения» с иностранными государствами для изучения последних, преимущественно в политической и экономической областях². Это было невозможно без получения секретной, неофициальной информации о странах, являющихся целью анализа внешнеполитического ведомства. В Положении об учреждении Министерства иностранных дел – утвержденном ещё в начале XIX столетия, задача добывания информации ставилась конкретно. При этом главное внимание уделялось политической разведке³. В начале XX века известный эксперт в области разведки М. Ронге писал, – «Разведка перешла и в область политическую... тайная разведка стала составной частью политики»⁴.

Роль Министерства иностранных дел Российской империи в добывании разведывательной информации на Дальнем Востоке конца XIX - начала XX в. в научной литературе освещена недостаточно. Практически всегда разведывательные усилия МИД в трудах исследователей находились в тени разведки военного ведомства. Впервые оценил эффективность разведки МИД России на Дальнем Востоке в период правления Николая II известный советский эксперт в области деятельности внешней разведки К. К. Звонарёв⁵. В последнее время к теме изучения деятельности разведструктур России всё чаще обращаются современные историки. Необходимо упомянуть об аналитическом многотомном труде М. Алексеева⁶, в котором комплексно исследуется эволюция разведки разных государственных ведомств России. Он написан с использованием большого числа ранее не опубликованных источников. В этой работе разведдеятельности МИД в дальневосточном регионе отведено определенное место. Организации разведывательных структур МИД во время русско-японской войны 1904-1905 гг. посвящена монография Д. Б. Павлова⁷. Автор впервые обращает внимание на работу т.н. «Шанхайского» разведцентра внешнеполитического ведомства в Китае. В. А. Лебедев⁸ в 1998 г. опубликовал статью, впервые посвящённую исключительно разведывательной деятельности заграничных представительств МИД перед Первой мировой войной. В ней освещены многие направления деятельности разведки внешнеполитического ведомства, но его работа в Азии рассматривается фрагментарно. В частности, автор не осветил степень влияния дальневосточных событий 1895-1905 гг. на эволюцию разведки МИД. Проблему добывания развединформации с помощью криптографии – расшифровки изъятых дипломатических документов – осветила в своём труде Т. А. Соболева⁹.

Пересмотр взглядов на изучение истории после 1991 г. способствовал активизации исследований в области истории российской дипломатии, охвату новых направлений деятельности МИД России, в частности разведки. Особый интерес в этом отношении представляет работа В. А. Емеца¹⁰ повествующая о механизме принятия внешнеполитических решений в России. При анализе труда этого автора видна слабая роль влияния разведывательной информации, поступающей из МИД, на принятие решений руководством страны. Пяти томный труд —История внешней политики России¹¹, изданный в 1997 - 1998 гг., с новых методологических позиций рассматривает деятельность МИД, его роль в системе органов государственной власти Российской империи, в том числе и в получении разведывательной информации. Переиздание первой части многотомного труда военно-исторической комиссии по русско-японской войне 1904-1905 гг., написанного под руководством П. Н. Симанского¹², способствует подробному освоению интересующей нас темы. Опираясь преимущественно на архивы различных ведомств и документы, принадлежавшие главным действующим лицам тех событий, автор детально проследил события 1895-1903 гг., стремясь по возможности давать им разъяснения. Определённое место отведено анализу сбора и использования секретной информации, полученной российскими дипломатическими представительствами в Китае, Корее, Японии. Эта ценнейшая работа долгое время была неизвестна даже специалистам, так как ее напечатали всего в 7 экземплярах под грифом «секретно»¹³.

При работе над статьёй были использованы опубликованные в 2006-2007 гг. архивные материалы^{14, 15}. Они раскрывают характер и объём разведывательной работы МИД России в дальневосточном регионе. Их содержимое непосредственно касается темы работы. Важнейшую группу источников составляет мемуарная литература. Значительная её часть уже давно введена в научный оборот. Речь идет прежде всего о дневниках и воспоминаниях министров иностранных дел России В. Н. Ламздорфа¹⁶ и А. П. Извольского¹⁷. Ценные сведения о мировоззрении, методах разведывательной работы и политических взглядах дипломатов содержатся в опубликованных воспоминаниях сотрудника российской миссии в Пекине Ю. Я. Соловьева¹⁸. Подводя итог историографии темы, необходимо отметить, что она освещена не полностью и историкам ещё предстоит исследовать эту проблему.

Цель работы на примере дальневосточного региона раскрыть значение разведки МИД России и её роль в выработке внешнеполитического курса.

Почему же избран регионом изучения проблемы Дальний Восток?

Необходимость более эффективного использования богатств окраинных территорий империи, усиления её влияния в Азии обусловили возросшее внимание Петербурга к Дальневосточному региону в 90 - е годы XIX века. С этой целью была построена железная

дорога, получившая название «Великий Сибирский путь», которая открывала новые возможности для расширения влияния России на Китай¹⁹. Назрела потребность иметь в этом регионе Азии российский незамерзающий порт. Всё это повышало значение зарубежных представительств МИД в азиатских странах, в частности, для получения разведывательной информации.

—Центром политической тайной разведки являлось Министерство иностранных дел с его аккредитованными в иностранные государства представителями: послами, посланниками, консулами и пр. Находясь в иноземных государствах, чины посольства естественно чувствуют пульс их народной жизни, а вращаясь в обществе, особенно в чиновном, они невольно подмечают те неуловимые поначалу сдвиги их внешней и внутренней политики, которые потом могут превратиться в акты огромной важности. Заблаговременное, точное знание этих политических перемен и применение их на пользу своего государства и является главными задачами чинов посольства. Для этого им нужна тайная агентура. Так как обнять чинам миссии всю многогранность современной жизни затруднительно, то им придаются специалисты в лице военных, военно-морских, торговых, а иногда и финансовых агентов. Подчиняясь главе миссии в общем порядке службы, они вместе с тем непосредственно зависят от соответствующих министерств: военного, морского, торговли и промышленности, финансов, работа по своей специальности и их указаниям. Разрешение сложной задачи, выпадающей на долю политической разведки, в значительной степени облегчается, если будет умело организовано дешифрирование получаемых агентурным путем телеграмм разных миссий и местных учреждений” — указывал один из ведущих специалистов русской разведки начала XX в. Н. С. Батюшин²⁰.

Структурно МИД состоял из двух частей. Первая - заграничные установления, образовавшие Департамент внешних сношений. Вторую часть составлял центральный аппарат Министерства, состоявший из Канцелярии, где была сосредоточена вся политическая переписка МИД с заграничными представителями России и с иностранными державами; Департамента внутренних сношений, в чье ведение входили все политические дела, касавшиеся Западной Европы и Западного полушария; Азиатского департамента, в чью компетенцию входили политические дела стран Ближнего Востока и турецкой Европы, стран Средней Азии, Дальнего Востока, Африки. Именно в нём осуществлялись меры по координации дальневосточной политики, что свидетельствовало о важности этого направления и объяснялось активизацией внешней политики России в регионе в конце XIX в. Деятельность Азиатского департамента имела комплексный характер, объединяя дела политические, консульские, правовые, административные и кадровые²¹. По сути, департамент представлял собой обособленное структурное подразделение, а взгляды его

руководителей отличались известной самостоятельностью и не всегда совпадали с мнением руководства МИД²².

Внешнеполитическое ведомство разделило все страны мира на две группы: великие державы - с ними поддерживались дипломатические отношения на уровне посольств; второстепенные государства - в них Россия была представлена на уровне миссий. Интересен факт, что до 1905 г. к числу великих держав Японию в МИД не причисляли, что свидетельствовало об отношении министерского руководства к азиатскому противнику.

Весьма важным рубежом дальневосточной политики России являлась японо-китайская война 1894-1895 гг., которая существенно изменила баланс сил в регионе и подтолкнула великие державы к захвату новых владений на Тихом океане.

До войны Россия считала Китай своим главным соперником в Корее, недооценивая экономический и военный потенциал Японии, хотя об её экспансионистских устремлениях неоднократно предупреждали русский посланник в Токио Д. Е. Шевич (1890), посланник в Сеуле П. И. Дмитриевский (1891) и посол в Пекине А. П. Кассини (1894)²³. Александр III не учитывал мнение своих дипломатов на Дальнем Востоке, недооценивал полученные разведывательные данные о всевозрастающей японской угрозе опираясь на бытующее тогда мнение о японцах как о народе, играющем в европейцев.

Но наиболее дальновидные дипломаты понимали роль разведки для получения информации и использования её при принятии важных государственных решений. Ведение разведки Департаментом внешних сношений, точнее входящими в него дипломатическими представительствами различных рангов, осуществлялось с помощью агентуры из числа иностранцев, доверительных, оперативных и иных связей, а также учитывая специфику Дальневосточных стран.

Перед отъездом в командировку каждому руководителю заграничного представительства России доводились письменные инструкции, подготовленные в канцелярии МИДа и завизированные императором. В них формулировались задачи и намечались возможные пути их достижения. Помимо этого составлялась дополнительная секретная инструкция, в которой рекомендовался круг политических проблем, которые предстояло решать его руководителю средствами разведки в стране аккредитации.

Российские дипломаты придерживались дифференцированного подхода к решению разведывательных задач в каждой конкретной стране в зависимости от оперативной обстановки. Так, в Корее в январе 1896 г., была использована политическая ситуация в стране после прояпонского переворота. Войдя в доверительное соглашение с Коджоном (правителем Кореи) российский посланник А. Н. Шпеер организовал его бегство в русскую дипломатическую миссию и занял

привилегированное положение при главе государства. Об этих событиях он сообщал министру иностранных дел донесением: «Мирный переворот, произведенный королем при поддержке императорской миссии, можно считать безусловным и благополучно удавшимся»²⁴. Эту операцию невозможно было осуществить без разведывательного обеспечения с целью анализа политической ситуации в стране.

На результативность работы послов влиял целый ряд факторов: прежде всего широта кругозора, политические взгляды, уровень связей с местными политическими и деловыми кругами страны пребывания, практики международных отношений, знание истории и культуры страны пребывания. Для азиатских стран последнее было очень важно.

Методы и участники добывания секретной информации были самыми разными. Практиковался подкуп крупных иностранных политических деятелей для сбора информации или решения сложной политической проблемы. Известный российский дипломат Ю. Я. Соловьев приводил пример из своей службы в Китае: «Чтобы убедить китайцев уступить нам Квантунский полуостров, были пущены в ход все средства, вплоть до подкупа Ли-Хун-Чжана... Были подкуплены и некоторые другие чиновники.»²⁵ Известны случаи привлечения иностранных специалистов, служащих в китайском флоте, для хищения шифровальных кодов. Среди привлеченных осведомителей особо отмечался немецкий подданный Карл Эмиль Маукиш, занимавший должность секретаря-драгомана китайского адмиралтейства. С его помощью дипломаты регулярно получали данные о военных портах Китая, о судах Северной эскадры и их вооружении, комплектации, заказах²⁶.

Постепенно сотрудниками российского МИДа активизировалась разведывательная работа среди местного китайского и корейского населения. Были созданы прочные агентурные позиции в их среде, они служили надежным источником разведывательной информации по широкому кругу политических и оперативных вопросов. Наглядное представление об этом дает отчет российского посланника в Пекине С. Колоколова директору 1-го Департамента МИДа: «Для собирания сведений политического характера, касающихся действий местной китайской администрации, общественного настроения, деятельности китайских секретных религиозно-политических обществ, ... мы прибегаем к услугам китайцев»²⁷.

Получаемая российскими загранпредставительствами разведывательная информация тщательно изучалась в Петербурге. Зачастую формы и методы ее добывания, степень достоверности служили предметом оживленной дискуссии между руководством центрального аппарата и главами диппредставительств. Так одним из важнейших и особенно ценных источников считались дешифрованные сообщения диппредставительств наблюдаемых стран²⁸. В Канцелярии

МИДа еженедельно составлялись отчеты о количестве дешифрованной корреспонденции. При их отправке заполнялись листы, с которыми они направлялись руководству страны (императору, министру внутренних дел, военному министру, министру финансов и т. д.). Все ведомства активно обменивались перехваченной корреспонденцией, но часто это зависело от личностных отношений между представителями разных ведомств за рубежом. При этом руководитель каждого из них имел право самостоятельного доклада лично Николаю II отдельных материалов, представлявших, по его мнению, особый интерес.

Решающее значение в деле агентурной разведки имело финансирование ведомства. Если сравнить МИД с Военным ведомством по масштабам финансирования, то оно было в более выгодном положении. Обеспечение собственных расходов МИД на ведение зарубежной разведки негласными способами в интересах решения внешнеполитических задач предусматривалось сметой специальных секретных расходов министерства. Начало выделения ассигнований на секретные расходы было положено в 1857 г. суммой в 2973 рубля. В 1889 г. общая сумма средств, выделяемых «на неподлежащую оглашению надобность министерства иностранных дел», составила 125 973 рубля, а в 1901 г. – уже 162 473 рубля²⁹. Очевидно внимание к сфере добывания информации и агентурной работе.

Как гласил один из финансовых документов, «на основании Высочайшего повеления от 1 ноября 1886 года предлагаю Департаменту сделать разрешение о единовременных выдачах лицам, состоящим по цифирной части за криптографические работы: статскому советнику Сабанину 1000 руб., надворному советнику Долматову 3300 руб., надворному советнику Напирскому 1300 руб., коллежскому секретарю Мандельштаму 300 руб. Министр Иностранных дел Муравьев. 10.05.1897г.»³⁰ Эта работа явно имела разведывательный характер. Для сравнения: Приамурскому военному округу в 1903 год предшествующий войне с Японией, было выделено 12 000 руб. на разведывательные нужды³¹.

В исследуемый период очень часто на сотрудников МИД возлагали задачи по запросу Военного министерства. Так, в 1897 г. сотруднику российского посольства в Пекине было поручено проведение переговоров с целью привлечь к обучению китайской армии русских военных инструкторов³². Но межведомственные нестыковки часто усложняли реализацию внешнеполитического курса Санкт-Петербурга на Дальнем Востоке. Вследствие чего зачастую разведка работала вхолостую.

Ведение тайной агентурной разведки, хотя на это и выделялись специальные средства, не являлось обязательным для российских дипломатов за границей, что порождало пассивное отношение к делу разведки со стороны большинства сотрудников министерства. Кроме

того, сказывалась трудность квалифицированного анализа состояния иностранных вооруженных сил дипломатами. Прежде всего из-за усложнения специализации военного дела в конце XIX – начале XX вв., связанного с развитием промышленной революции и внедрением её достижений в военное дело. Это привело к необходимости длительного обучения в специальных военных учебных заведениях, прежде всего Академии Генерального штаба и появлению военных агентов при дипломатических представительствах.

В этой связи, поступавшая в Военное министерство через МИД информация военного характера, чаще всего была получена случайно или попутно. Несмотря на это разведывательная информация МИД была достаточно ценной для военных специалистов. Так, в 1898 г. товарищ министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа переправил адмиралу П. П. Тыртову управляющему морским министерством, донесение русского посланника графа Р. Р. Розена, датированное 1 сентября. В донесении были сведения о резком расширении Японией программы своих вооружений в начале 1897 г.³⁴ Эта информация повлияла на принятие решения по увеличению финансирования русского флота, предназначенного для Тихого океана.

Однако далеко не разведывательная информация аппарата МИД России по изысканию секретной информации о вероятных военных приготовлениях Японии и Китая в начале XX века определяла эффективность внешнеполитического курса империи на Дальнем Востоке. Проблемы лучше всего можно понять, например, анализируя ход русско-японских переговоров 1903 г. Становится ясно, что едва ли не главную роль в событиях на Дальнем Востоке играли интриги и борьба за власть и влияние в российских властных структурах, прежде всего вмешательство во внешнюю политику страны т.н. «Безобразовской» группировки. О чем особенно наглядно свидетельствовал ход русско-японских переговоров в 1903 г. Они оказались продолжением внутренних проблем управления, явно находившихся в кризисном состоянии. Не удивительно, что Петербургу с трудом удавалось (и то не всегда) подыскивать ответы Токио во время переговоров, а чаще он просто не находил их. Вместо формулирования консолидированной позиции российские верхи занимались либо перетягиванием одеяла на себя (деятельность наместника на Дальнем Востоке Е. И. Алексеева по концентрации власти в своих руках), либо пытались настоять на собственном варианте решения проблем (как действовал до войны военный министр А. Н. Куропаткин, отстаивая позицию по возвращению Порт-Артура Китаю). Совершенно дезориентированные дипломаты действовали по противоречивым указаниям. Николай II и правительство отчетливо ощущали, что Россия находится накануне войны, но, несмотря на это, были не в состоянии предпринять необходимых мер, чтобы предотвратить ее.

Настоящим испытанием для разведывательных структур России стала война с Японией 1904-1905 гг. Успехи МИД в деле организации разведки демонстрирует тот факт, что в начале войны с Японией в 1904 г. наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев пришел к выводу о недееспособности военно-разведывательного аппарата военного и морского министерств. Несогласованность, ведомственная разобщенность и взаимная подозрительность представителей различных ведомств России в регионе вынудили наместника обратиться с предложением к Николаю II о создании здесь единой российской разведывательной службы. Император идею своего наместника поддержал. Руководителем организуемой службы разведки был назначен дипломат А. И. Павлов. (До войны - бывший посланник России в Сеуле и имевший большой опыт дипломатической работы в Китае и Корее.) «Алексеев полагал бы командирование меня в Шанхай с тем, чтобы я организовал в более широких размерах дело добывания и доставления наместнику и командующему армией и флотом возможно точных секретных сведений о происходящем в Японии и Корее, особенно в отношении военного положения»³⁴, – телеграфировал А. И. Павлов министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу 4 апреля 1904 г.

Разведывательная агентура из сотрудников МИД, действовавшая в Шанхае, работала по признанию очевидцев очень эффективно. Костяк новой секретной службы составили бывшие сослуживцы А. И. Павлова по Сеулу и чиновники министерства финансов России в Шанхае. Была организована агентурная сеть на территории Кореи из корейских воспитанников Курского реального училища и Ким-Пен-Ока, нештатного лектора корейского языка Петербургского университета. Осенью 1904 г. в разведывательную сеть «шанхайской агентуры» были вовлечены голландец Иосиф Марпурго, француз Жан Шаффанжон и швейцарец Оскар-Леон Барбей. Тогда же в Корею с секретным поручением А. И. Павлов направил француза Мартеля. В ноябре 1904 г. А. И. Павлову удалось внедрить своего тайного агента в японское генеральное консульство в Шанхае. Однако с момента учреждения «шанхайской агентуры» и наместник, и А. И. Павлов понимали, что без секретных осведомителей в самой Японии не обойтись. В конце мая 1904 г. французский пароход доставил в Шанхай первое зашифрованное донесение агента из Йокогамы. Таким агентом стал француз Анри Обер. Он занялся изучением финансово-экономического и торгово-промышленного состояния Японии, и полученные от него материалы регулярно направлялись в Петербург. Секретные военные сведения, добытые Обером, передавались и в Мукден, в штаб главнокомандующего русскими войсками³⁵. В июне 1904 г. был завербован корреспондент парижского журнала, работающий в Японии – Жан Бале. Секретные письма Бале и зашифрованные телеграммы через посредство французского консула в Йокогаме поступали через Шанхай

в Петербург и в штаб главнокомандующего русских войск в Мукден. Приведённые факты подтверждают правильность решения наместника России на Дальнем Востоке о создании секретной службы из сотрудников МИД России.

Подводя итог анализу разведывательной деятельности МИД России в исследуемый период, следует констатировать, что его центральный аппарат и дипломатические представительства в основном успешно справились с поставленными задачами, обеспечив руководство страны важной, секретной информацией по широкому кругу вопросов. Оценивая деятельность разведки МИД становится понятно, что проблема была не в слабом воздействии информации на принятие решений государственными структурами³⁶.

Нараставшая разбалансированность системы государственных органов, причастных к сфере внешних сношений накануне и во время судьбоносных событий на Дальнем Востоке 1904-1905 гг., явилась производным общего кризиса русского абсолютизма и расстройтва государственной машины. Она проявлялась в структурном застое и снижении эффективности внешнеполитического механизма, отсутствии обратной связи, а в годы, предшествующие русско-японской войне 1904-1905 гг., во введении в него чуждых отработанной бюрократической системе элементов, усиления личной роли царя в определении и реализации внешнеполитического курса страны, что привело к еще большему росту бесконтрольности и безответственности и падению профессионального уровня государственного руководства внешней политикой страны.³⁷

С целью оправдать свою неспособность эффективно подготовиться к войне и выиграть её и была пущена в ход версия о провале сбора разведывательной информации соответствующими структурами МИД и Военного министерства. Факты говорят о другом. Начиная с 1895 г. постоянно в МИД, а через него и императорскому правительству поступала информация о наращивании военной мощи и объёмов военных приготовлений Японской империи.

Николай II и находящиеся у власти чиновники оказались неспособными подготовить страну к войне на Дальнем Востоке в 1905 г., круто изменившей судьбу Российской империи. Поражение в войне с Японией и нарастание революционных событий требовали от правительства внесения серьёзных корректив во внешнеполитический курс. Положение осложнялось неудовлетворительным состоянием МИД с его архаичной структурой, неэффективностью используемых методов и приёмов, в том числе и в разведывательной работе, негативными принципами кадровой политики³⁸. Одним из ключевых вопросов реорганизации МИД стало создание аналитической службы внутри внешнеполитического ведомства, способной своевременно использовать разведывательную информацию с целью коррекции

внешнеполитического курса России и создания в стране координационного центра эффективного управления страной.

Примечания

¹ *Кокошин, А. А.* Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России / А. А. Кокошин. – М., 2003. – С. – 86.

² *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. – Т. – 1./ М. Алексеев., 1998. – С. 111.

³ *Лебедев, В. А.* О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века // Материалы исторических чтений на лубянке 1998 год. [Электронный ресурс. Режим доступа [http:// militera. lib. ru /db/yanchevetsky_dg/02/](http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/02/)]. Доступ –8.09.2008 г.

⁴ *Николаи, В.* Тайные силы: интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время / В. Николаи, М. Ронге, Ч. Э. Россель. – Киев, 2005. – С. 56.

⁵ *Звонарёв, К. К.* Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. / К. К. Звонарёв. – Кн. 1-я. – М., 2003. – 340 с.

⁶ *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. – Т. – 1./ М. Алексеев., 1998. – С. 432.

⁷ *Павлов, Д. Б.* Русско-японская война 1904-1905г. Секретные операции на суше и на море / Д. Б. Павлов. – М., 2004. – 464 с.

⁸ *Лебедев, В. А.* О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века // Материалы исторических чтений на лубянке 1998 год. [Электронный ресурс. Режим доступа http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/02/]. Доступ –8.09.2008 г.

⁹ *Соболева, Т. А.* Тайнопись в истории России. / Т. А. Соболева. – М., 1994. –233. с.

¹⁰ *Емец, В. А.* Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период первой мировой войны. / Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. / В. А. Емец. – М., 1994. – С. 58 – 70.

¹¹ *Игнатъев, А. В.* История внешней политики России. Конец XIX - начало XX в.: (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / Под ред. А. В. Игнатъев, С. В. Тютюкин, В. А. Емец. – М., 1997. – 672 с.

¹² *Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / Под редакцией В. А. Золотарёва, В. И. Шеремета. – М., 1994. – 583 с.*

¹³ *Лукоянов, И. В.* Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. (взгляд из России) / И. В. Лукоянов // Acta Slavica Iaronica. – № 23. – 2006. – С. 1.

- ¹⁴ Япония и ее вооруженные силы в 1904-1905 гг. Доклады руководителя «шанхайской агентуры» А. И. Павлова в МИД России // Исторический архив. – № 3. – 2006. – С. 141-153.
- ¹⁵ Глушков, В. В. Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии / В. В. Глушков, К. Е. Черевко. – М., 2006. – 576 с.
- ¹⁶ Ламздорф, В. Н. Дневник, 1886-1890. / В. Н. Ламздорф. – М., 1926. – 396 с.; Ламздорф, В. Н. Дневник, 1891-1892. / В. Н. Ламздорф. – М., 1934. – 410 с.; Ламздорф, В. Н. Дневник 1894-1896. / В. Н. Ламздорф. – М., 1991. – 456 с.
- ¹⁷ Извольский, А. П. Воспоминания. / А. П. Извольский. – М., 1989. – 192 с.
- ¹⁸ Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата 1893-1922 / Ю. Я. Соловьев. – Минск, 2003. – С. 60.
- ¹⁹ Айропетов, О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801 - 1914) / О. Р. Айропетов. – М., 2006. – С. 432672 с.
- ²⁰ Лебедев В. А. О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века // Материалы исторических чтений на лубянке 1998 год. [Электронный ресурс. Режим доступа http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/02.] Доступ – 8.09.2008 г.
- ²¹ Емец, В. А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период первой мировой войны. / Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. / В. А. Емец. – М., 1994. – С. 58.
- ²² Толмачев Е. П. Дальневосточная политика России при Александре III / Сборник Русского исторического общества. Т. 6 (150) / под ред. Грицкова В. Р. – М., 2005. – С. – 294 (С. – 294-302) 384 с.
- ²³ Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / Под редакцией В. А. Золотарёва, В. И. Шеремета. – М., 1994. – С. 157.
- ²⁴ Ли Бомджин / Составитель Б. Д. Пак. – М.: Институт востоковедения РАН, 2002. – С. 114.
- ²⁵ Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата 1893-1922 / Ю. Я. Соловьев. – Минск, 2003. – С. 60.
- ²⁶ Добычина Е. Б. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895-1897 годах // Отечественная история. - №4. - 2000. - С. 164.
- ²⁷ Лебедев В. А. О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века // Материалы исторических чтений на Лубянке 1998 год. [Электронный ресурс. Режим доступа http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/02.] Доступ – 8.09.2008 г.
- ²⁸ Соболева, Т. А. Тайнопись в истории России. / Т. А. Соболева. – М., 1994. – С. 180.
- ²⁹ Алексеев, М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. / М. Алексеев – Т. – 1. М., 1998. – С. 108.
- ³⁰ Лебедев В. А. О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века // Материалы исторических чтений на лубянке 1998 год.

[Электронный ресурс. Режим доступа http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/02.] Доступ – 8.09.2008 г.

³¹ *Звонарёв, К. К.* Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. / К. К. Звонарёв. – Кн. 1-я. – М., 2003. – С. 40.

³² *Лебедев В. А.* О разведывательной деятельности МИД России в начале XX века // Материалы исторических чтений на лубянке 1998 год. [Электронный ресурс. Режим доступа http://militera.lib.ru/db/yanchevetsky_dg/02.] Доступ – 8.09.2008 г.; Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / Под редакцией В. А. Золотарёва, В. И. Шеремета. – М., 1994. – С. 230.

³³ *Кондратенко, Р. В.* Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX – начале XX века / Р. В. Кондратенко / Русско-японская война 1904 – 1905. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник. / Под ред. О. Р. Айропетова. – М., 2004. – С. 83.

³⁴ *Япония и ее вооруженные силы в 1904 - 1905 гг.* Доклад руководителя «шанхайской агентуры» А. И. Павлова в МИД России // Исторический архив. – № 3. – 2006. – С. 144.

³⁵ *Павлов, Д. Б.* Русско-японская война 1904-1905г. Секретные операции на суше и на море / Д. Б. Павлов. – М., 2004. – С. 212.

³⁶ *Лукоянов И. В.* Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. (взгляд из России) // Acta Slavica Iaponica. – № 23. – 2006. – С. 36.

³⁷ *Емец, В. А.* Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период первой мировой войны. / Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. / В. А. Емец. – М., 1994. – С. 67.

³⁸ *Авдеев А. П.* Александр Петрович Извольский. / А. П. Авдеев. – // Вопросы истории. – 2008. – № 5. – С. 65.